

Павел РЕЙФМАН,
эмерит-профессор
Тартуского
университета

■ Уважаемый Павел Семенович! Что побудило вас взять интервью у самого себя?

- Я прочитал в газете «Вести - Неделя плюс» от 2 февраля статью Марианны Тарасенко «Охота на ведьм». Там шла речь о странной ситуации, в которой оказались русские филологи - выпускники Тартуского университета. Я преподаю в нем много лет, считаю себя ответственным за их судьбу. Так как моих ровесников - работников русского отделения осталось немного, я счел себя обязанным выступить и дать интервью по затронутой в статье М.Тарасенко проблеме.

■ Как вы относитесь к требованию Министерства образования о соответствии специальности по диплому занимаемой учителем должности?

- В высшей степени положительно. В школе, да и не только в ней, должны работать специалисты, получившие серьезное профессиональное образование. Видимо, учителя не всегда соответствуют такому требованию; с этой точки зрения действия министерства, по-моему, вполне понятны и оправданы. Но важно и то, как понимается выдвинутое министерством требование и как сочетаются формальные данные, записанные в дипломе, с реальными знаниями учителя. Все

же важнее, думается, не буква, а суть. Хотя важна и буква.

■ Ваше мнение по поводу статей о школьном образовании, печатающихся в последнее время в газете «Вести - Неделя плюс»?

- Они мне кажутся важными, но иногда, по-моему, неоправданно резки. В них слишком много эмоций, не всегда объективных оценок. Я часто угадываю причины эмоций авторов, сочувствую им. Но резкость вряд ли убеждает и не способствует взаимопониманию. А ведь цель статей - не выразиться похлеще, а добиться определенного реального результата. Понравилось мне интервью, данное главному редактору Борису Туху министром образования Тынисом Лукасом.

■ Значат ли ваши ответы, что вы не одобряете статью М.Тарасенко «Охота на ведьм»?

- Нет, не значат. Я солидарен с ее автором, именно поэтому устраиваю сам себе интервью. Напомню кратко содержание «Охоты на ведьм»: речь идет о том, что Министерство образования отрицает право выпускников Тартуского университета, русских филологов, работать в гимназиях, так как во вкладышах их дипломов, при перечислении зачетных предметов, написано «методика преподавания литературного чтения». Формально все правильно: диплом не соответствует должности; литературное чтение -

предмет не гимназии, а основной школы; вот и преподавайте там или поступайте на краткосрочные педагогические курсы. Повторяю - формально все правильно, а по существу - бессмыслица, нелепость.

Самое авторитетное высшее учебное учреждение Эстонии, в период наибольшего расцвета русской филологии, ориентируясь на подготовку учителей, при пятилетнем курсе обучения, выпускало студентов, которых нельзя ныне допустить к преподаванию в гимназии. Кого же можно? По формальной логике министерских чиновников, видимо, можно любого, у кого во вкладыше диплома написано «методика преподавания литературы».

Здесь и начинается «мемуарообразное». На самом деле Тартуский университет никогда не готовил учителей для неполной средней школы. Этим занимался отчасти пединститут, а ранее - учительские институты. «Методика преподавания литературного чтения» означала совсем не то, что думают сейчас в Министерстве образования. А вот что. Распределять выпускников нашего отделения в русские школы Министерство просвещения тех времен отказывалось: «нам вполне хватает офицерских жен». Поэтому формально университет готовил учителей старших классов эстонских школ, по существу же - специалистов широкого профиля, универсалов (на то он и университет). Работали (и работают) они и на радио,

и в газетах, в журналах, издательствах. Из них состоит основной состав преподавателей Таллиннского педагогического университета. Преподают они во многих университетах Европы, США, России, где высоко ценятся выпускники из Тарту. Учителями они в весьма престижных гимназиях Москвы, Ленинграда, и нигде не возникает проблема «литературного чтения».

■ Но, может быть, готовя специалистов широкого профиля, университет давал мало нужного для педагогической работы?

- Это далеко не так. Все же университет выпускал (как и другие университеты СССР) в первую очередь учителей, и мы прекрасно учитывали это. За 5 лет учебы студенты получали серьезную педагогическую подготовку. Они слушали курсы педагогики, психологии, методики преподавания русского языка и русской литературы (именно литературы, а не только литературного чтения). Программа включала педагогическую практику, одну - в средних классах, другую - в старших, и в русских, и в эстонских школах. В обсуждениях уроков студентов регулярно принимали участие ведущие преподаватели русского отделения - Ю.Лотман, З.Минц, В.Беззубов, С.Исаков и др. Нередко кафедралы совершали коллективные посещения школ, выступая по очереди при обсуждении уроков.

Мы привыкли серьезно относиться к своей работе

и старались соединить школьную методику с научным литературоведческим знанием. Проводили литературно-методические конференции, где выступали ученые и из других республик. Выпустили два сборника «Литературоведение и школа». Я не говорю уже о том, что серьезные литературоведческие занятия, участие в научных кружках, семинарах, защита курсовых работ, дипломов, к которым предъявлялись серьезные научные требования, студенческие научные конференции, ставшие знаменитыми и воспитавшие многих крупных ученых (они и сейчас не забывают о Тарту) - все это было полезно для формирования высококвалифицированного учителя и давало, конечно, неизмеримо больше, чем могут дать какие-либо курсы.

Наша деятельность не всегда нравилась министерскому начальству. «Зачем все это нужно учителю эстонской школы?» - спрашивали с неодобрением они. Нам приходилось «ловчить». Мы убирали приезде разных комиссий подальше от глаз курсовые и дипломные работы, написанные на крамольные темы. Философский семинар (самостоятельное изучение марксизма-ленинизма) мы превращали в обсуждение философских проблем литературоведения. Доставалось нам иногда и за нашу методико-литературоведческую деятельность. Так, министр просвещения (не помню, кто им был тогда) в последний момент перед открытием одной из кон-

ференций, когда вот-вот должны были приехать гости-докладчики, потребовал ее запрещения. Назревал скандал. С трудом удалось Ю.Лотману договориться о встрече представителя кафедры с министром. Послали меня. Пришлось ехать на такси, чтобы успеть к назначенному времени встречи. Выслушав наши доводы, министр конференцию все же разрешил. И, уже прощаясь со мною, спросил: «А правду говорят, что Лотман бранит министерство, недоволен преподаванием русской литературы в Эстонии?» Я его успокоил, сказав, что это - безответственная сплетня. Не знаю, поверил ли он мне.

■ Но ведь все-таки вы готовили, пускай и формально, учителей для эстонских школ; как же их пускать в русские гимназии?

- По-моему, я объяснил, как обстояло дело. К тому же, в будущих гимназиях 60 процентов предметов предполагается изучать на эстонском языке. Так что можно считать, что они в той же мере эстонские, в какой и русские.

■ И что вы можете сказать в заключение?

- Пожелать, чтобы Министерство образования, готовя важные решения, побольше консультировалось и с учителями, и с работниками высших учебных заведений, готовящих учителей. Тогда бы оно яснее представляло обстановку, реже попадало в просак.